

в предыдущем: к истории теперь предъявлялись требования, более близкие к научным, нежели раньше, которые были прежде всего поучительными. Да и самое понимание излагаемого события у редактора стало несколько иным. Он на осаду и взятие Царьграда взглянул не столько как на борьбу греков с турками, сколько как на борьбу царя Константина с султаном Магометом. У него центром внимания являлась, с одной стороны, личность царя, его боевые подвиги, его боевая деятельность, как главного вершителя всего, совершаемого греками, и султана — с другой, также как двигательного начала действий турок. Этим представлением о значении личности царя и султана объясняется то, что в этой сокращенной редакции повести не находим таких эффектных, красочных эпизодов, как удачный выстрел Зустуenea, разбивший большую турецкую пушку (448), жестокая битва, где пало более 5 тысяч греков и более 35 тысяч турок (449), взрыв подкопа, устроенного греками (450), не находим рассказов о боевых подвигах отдельных лиц — единоборство Рахгавая с Амарбеем, спасение Зустуenea в единоборстве с янычаром (451), подвиг трех братьев, убивших двух богатырей Сарацин (456), и др., опущен почти целиком такой факт, как первый приступ турок к городу:¹ во всех этих эпизодах царь никакой активной роли не играл. Наоборот, в сокращении сохранены, иногда в пересказе, те места, где царь проявлял инициативу, притом преимущественно удачную, сохранена даже общая характеристика его, как необычайно сильного бойца (453), уцелел эпизод единоборства царя с Бегиларбеем (457), почти без сокращений изложены последние дни и часы жизни царя и рассказ о его смерти (458) и т. д. Другой ряд сокращений также характерен для этой редакции повести: систематически опускаются «богомоления», столь характерные, как мы видели, для поздней воинской повести. Почти отсутствуют и те благочестивые размышления автора пространной повести, которые говорят о неизбежности predetermined гибели Царьграда,² и, подавно, ссылки на апокрифические пророчества о Царьграде с именами Мефодия и Льва, а также, разумеется, самый конец большой повести с предсказанием о «русском роде» как будущем победителе Измаила.

Манера же сокращения старшего текста видна из следующих сопоставлений:

Первая редакция Хронографа
(ПСРЛ, ХХІ)

Вторая редакция Хронографа
(Цук. 168)

[Когда Магомет подошел к Царьграду, царь посла к Магмету салтану посланники, хотя уведати бывшее, и о миру глаголати. Он же океанный и безверен сый и лукав посланников отосла бездельны, а сам предивным ополчением и страшным движением по суши и по морю приступив к царствующему граду [445—446].

Царь же Константин посылает к Магмету послы, прося смирение, он же небрег, но паче на ярость подвизашеся и повеле ко всех стран ко стенам града приступати [л. 513].

Патриарх же Анастасие и святители и весь священнический чин бяху непрестанно молящесе о милости божи и о избавлении града [446—447].

Патриарх же Анастасии со всем священным собором в Велицей церкви со слезами молящесе богу о избавлении града [л. 513 об.].

¹ Сказано только: «Султан поведевая со всех стран ко всем стенам града приступати. Людие же, сущии во граде, недоумевашуса, что сотворити, бе бо агарян много зело, и сего ради беспрестанно по 13 дней прменяющесе приступающе ко стенам града» (Цук. 168, л. 513).

² Вот, кажется, единственное место в этом роде: когда царь убил Бегиларбея, «и тако устремилася греки со царем своим на турки и прогнаша их из града; но убо аще и тмами подвизашася, а божиа суда гонезнуги не могоша» (Цук. 168, л. 516 об.).